

На следующий день Гуйхуа отправилась в школу, бережно сжимая в кармане тяжелую ручку.

Стоило ей достать её, как весь класс облепил парту. У многих ребят в руках были лишь старые огрызки — такие короткие, что их и пальцами-то было не удержать. Писать ими было одно мучение, и теперь, завидев у одноклассницы новенькую блестящую ручку, каждый норовил выпросить её хоть на минуту.

— Гуйхуа, дай посмотреть! — Гуйхуа, я первый...

Ребята толкались и спорили, пока кто-то не спросил: — Слышь, а откуда она у тебя?

Девочка гордо вскинула подбородок: — Брат купил.

— Повезло тебе с братом, — с завистью вздохнула сидевшая рядом одноклассница. — Не то что мой: только и знает, что работой меня нагружать...

Она во все глаза смотрела на предмет, не в силах скрыть восхищения. Гуйхуа, наслаждаясь всеобщим вниманием, весь день ходила с высоко поднятой головой.

Она позволила прикоснуться к сокровищу лишь нескольким детям — тем, кто льстил ей больше остальных. Мальчишки изучили ручку вдоль и поперек, а когда сняли колпачок, один из них благоговейно прошептал: — Неужели перо из чистого золота?

— А то как же! — отрезала Гуйхуа. — Продай тебя с потрохами — и то на такую не хватит!

Один из мальчиков, вертя вещь в руках, заметил на колпачке выгравированный иероглиф. Читать они еще толком не умели, долго разглядывали знак, но так и не поняли, что там написано. — Гуйхуа, а это что за слово?

Девочка и сама понятия не имела, но небрежно бросила: — Это «Гуй» из моего имени.

По классу прокатился шепоток восхищения. Лишь один мальчик, который знал иероглифы чуть лучше остальных, презрительно скривился. «Мелет чепуху, — подумал он. — Разве иероглиф „Гуй“ так пишется? Сразу видно — хвастает».

Когда занятия закончились, стайка ребят всё еще провожала девочку до самой деревни. Но не успели они войти, как навстречу выбежал один из мальчишек, не ходивших в школу. Он выглядел страшно взбудораженным. — Эй, ты куда так несешься? — окликнула его Гуйхуа.

— Там собрание только что закончилось! — затараторил пацан. — Тот чжицин на собрании объявил, что у него ручку украли. Говорит, это награда от какого-то большого чиновника, денег стоит немереных. Ух, как секретарь разозлился... Сказал, обязательно найдет этого вредителя!

Сама по себе ручка, может, и не стоила целого состояния, но награда от уездного руководства — это уже совсем другое дело. К тому же нравы в деревне были простые, дома почти никто не запирал, и появление вора стало настоящим потрясением. Это был позор, ложившийся тенью на всю деревню.

Секретарь подошел к делу со всей серьезностью: велел каждой семье смотреть в оба и немедленно докладывать, если кто-то увидит эту вещь.

Школьники впервые услышали об этом. Стоило им сопоставить факты, как взгляды невольно устремились на Гуйхуа. Те, кто посмелее, пялились в упор, остальные лишь украдкой поглядывали на неё.

Один из мальчишек не выдержал: — Гуйхуа, а ведь у тебя сегодня как раз появилась новая ручка.

Услышав, что об этом знает даже секретарь, девочка похолодела. В голове у неё всё поплыло. Она была еще ребенком и, столкнувшись с опасностью, мгновенно растерялась, но изо всех сил старалась сохранить лицо. — Это брат мне купил! — выкрикнула она, стараясь говорить уверенно. — Какое мне дело до того, что там потерял чжицин!

Она говорила так твердо, что ребята на мгновение засомневались. Гуйхуа в ответ так свирепо зыркнула на них, что дети стушевались и больше не смели раскрыть рта.

Сердце у сестры Бай Цзяньшэна ушло в пятки. Она больше не могла оставаться на улице и со всех ног бросилась домой. Заметив во дворе брата, она резко сменила направление, пытаясь проскользнуть мимо.

— Стоять! — Бай Цзяньшэн сразу почуял неладное. — Гуйхуа, ты куда это собралась?

Девочка замерла на месте. — Я... я пойду цикад ловить с ребятами.

В ловле цикад не было ничего странного, но её испуганный вид выдавал её с головой. Мужчина нахмурился: — Говори правду.

«...»

В глазах Гуйхуа заблестели слезы.

Она понимала, что должна во всём признаться. Иначе, стоит кому-нибудь задать лишний вопрос, и правда выйдет наружу. В этот момент она горько пожалела, что придумала такую прозрачную ложь.

Она громко разрыдалась и, дрожащими руками вытащив ручку из кармана, протянула её брату: — Брат, это я её взяла... Что же нам теперь делать?

Лицо Бай Цзяньшэна мгновенно потемнело.

— Что делать?! — завывала девочка еще громче. — Брат, я не хочу, чтобы меня судили на собрании... Брат, придумай что-нибудь!

Тот с каменным лицом спрятал вещь в свой карман. — Кто об этом знает?

— Многие... — всхлипнула сестра, вздрагивая всем телом. — Все, кто в школе был...

Бай Цзяньшэн выругался сквозь зубы, обозвав её дурой, и, даже не взглянув на предмет, убрал его подальше. — Скажем, что это я тебе её купил. Поняла? Язык за зубами держи, чтобы никто больше не узнал.

Он помолчал и добавил: — Ничего страшного. Подумаешь, ручка... Чжицин Юй не станет поднимать шум из-за такой мелочи.

Гуйхуа продолжала дрожать, словно ивовая ветвь на ветру. Бай Цзяньшэна этот вид только раздражал: раз уж не хватило смелости, зачем было воровать чужое?

Но он не мог допустить, чтобы правда выплыла наружу. Их семья всегда пользовалась уважением. Если об этом узнают, как они будут смотреть людям в глаза? Клеймо вора и «паршивого элемента» пристанет к ним навечно!

Мужчина решил, что позже выбросит ручку в реку. Но прежде ему нужно было прощупать почву и поговорить с Юй Ханем.

Днем, во время репетиции, он пришел к хижине, где занимались чжицины. Гао Ли сидела у входа на маленькой табуретке, зазубривая текст. Увидев гостя, она удивилась: — Товарищ Цзяньшэн? Какими судьбами?

Бай Цзяньшэн выдавил дружелюбную улыбку: — Да вот, решил зайти, посмотреть, как у вас дела продвигаются.

Он заглянул внутрь: — А где товарищ Юй?

Гао Ли крикнула во весь голос: — Юй Хань! К тебе Бай Цзяньшэн пришел!

Ду Юньтин в это время отрабатывал сценические шаги. Услышав свое имя, он поднял голову и увидел «святошу», который стоял на пороге и кротко улыбался.

— Товарищ Юй, — заговорил гость, — несколько дней тебя не видел.

Он присел и завел пустой разговор о погоде, но мысли его были явно не об этом. Ду Юньтин продолжал делать растяжку, слушая его вполуха. Наконец, собеседник не выдержал и перешел к делу: — Слышал от секретаря, у тебя что-то пропало?

«Началось!»

Внутри у юноши всё ликовало от азарта. — Да, — ответил он, — ручка пропала.

Мужчина мягко улыбнулся: — Секретарь так распинался, что я уж грешным делом подумал — там ценность какая великая. Неужели ты, товарищ Юй, так близко к сердцу принимаешь пропажу какой-то ручки?

Ду Юньтин замер и удивленно посмотрел на него. — С чего это ты так решил, товарищ Бай?

— Понимаешь, Юй Хань, ты ведь не чета нам, деревенским, — вкрадчиво начал тот. — Наши дети пишут обгрызенными карандашами. А ты городской, жизни их не знаешь, не видел, как им тяжело приходится.

Юноша не стал отвечать, лишь молча наблюдал за ним. Бай Цзяньшэн, не чувствуя подвоха, продолжал: — Может, какой ребенок и увидел блестящую вещицу, бес попутал — взял посмотреть. Ты бы вошел в их положение, пожалел. К чему так лютовать-то из-за мелочи?

Ду Юньтин слегка прищурился, смакуя слова: — Взял посмотреть?

— Они ведь еще дети...

— Как интересно, — перебил его Ду Юньтин. — Ты, товарищ Бай, говоришь так уверенно, будто точно знаешь, кто её взял.

Бай Цзяньшэн на мгновение нахмурился, но тут же расслабился. — Да я так, к слову пришлось... Откуда мне знать, кто взял.

Он почувствовал, что скамья под ним словно раскалилась, и поспешно поднялся: — Ну, не буду мешать. Работай.

Ду Юньтин вытянул ногу, потянул мышцы и тихо, почти неслышно рассмеялся.

«Пошли, — он поднялся на ноги и обратился к 7777. — Пора переговорить с секретарём»

[О чем это?]

Ду Юньтин ничего не ответил. Он напрямик направился к дому секретаря и с порога заявил: — Секретарь, я тут вспомнил одну важную деталь. На моей ручке был выгравирован иероглиф...

К вечеру по деревне поползли новые слухи. Один из школьников доказывал родителям, что видел на ручке Гуйхуа какой-то знак. — Это вовсе не «Гуй» из её имени, — горячился он. — Она нам наврала! Я точно видел — тот иероглиф совсем по-другому пишется...

Он нацарапал на бумажке то, что запомнил, и показал взрослым. — Там была часть «иметь», а рядом еще один элемент сбоку.

Среди взрослых нашелся грамотей. Вглядевшись в каракули, он ахнул. — Так это же иероглиф «Юй»! Фамилия нашего чжицина Юй!

Он в ужасе посмотрел на соседей: — Неужели это и вправду Гуйхуа стянула вещь?

Ребят, видевших ручку, было много. Они наперебой рассказывали родителям об увиденном, а те, лузгая семечки, разносили весть дальше. Слухи разлетались, словно вспугнутые зайцы. Отец Бай Цзяньшэна еще ничего не знал — он в это время разбирал очередную семейную ссору.

Одна старая склочница изводила невестку подозрениями, обвиняя её в том, что та таскает добро в дом своих родителей. — Совесть совсем потеряла, бесстыжая...

Отец Бай Цзяньшэна важно кивал, поучая женщину, что нечего в родительский дом чужое таскать. Бедная женщина уже готова была расплакаться, когда один из её родственников, не выдержав несправедливости, выкрикнул: — Ты бы на других-то не кидался, старик! Своего бы ребенка сначала научил не воровать!

Тот, не спеша попыхивая трубкой, недовольно поморщился. — Чего это ты, Четвертый, мелешь?

— Кто мелет? — Родственник невестки зло усмехнулся. — Вся деревня уже знает! Твоя девчонка украла ручку у чжицина Юй, а еще и врала, будто брат купил. Не веришь — выйди да спроси, в деревне только ленивый об этом не судачит!

Терпение у людей лопнуло. Этот человек давно уже не был секретарем, но по привычке лез во все дела, навязывая свои порядки.

Отец Бай Цзяньшэна до последнего не верил, что его дочь способна на кражу. Но, обведя взглядом толпу, он увидел, что все молчат. Никто не бросился защищать честь его семьи.

Внутри у него похолодело. — Вы что же, сами видели?

Люди переглянулись. Наконец один старик произнес: — Сами не видели. Но детишки врать не станут — вся школа видела, как Гуйхуа той ручкой хвасталась. А на ней — фамилия чжицина. А она говорит — её имя... Разве это не вранье?

Остальные загалдели, подтверждая его слова: — Да, мой тоже видел! — И мои девчонки подтверждают... — Дети врать не будут!

Лицо старика налилось багрянцем. Он сурово отрезал: — Не может быть. Моя дочь на такое не пойдет. Пойду и во всём разберусь.

Он развернулся и зашагал к дому, а сердце в груди колотилось. «Неужели и впрямь она на такое пошла?» — Пожилой человек крепко сжал трубку. В его глазах застыла мрачная тень.

Вечером он вместе с сыном уже стоял у порога Юй Ханя. Ночь была безлунной, и их визит остался незамеченным.

Бай Цзяньшэн негромко постучал: — Товарищ Юй Хань, выйди на минуту, поговорить надо.

Он стучал довольно долго, но Ду Юньтин не отвечал. Мужчине пришлось позвать снова: — Юй Хань!

Наконец дверь отворилась. Чжицин Юй, шаркая матерчатыми туфлями, выглядел так, словно его только что разбудили. В другой раз Бай Цзяньшэн залюбовался бы этой картиной — кожа юноши была ослепительно белой, а черты лица — куда тоньше и изящнее, чем у любой деревенской девчонки. Юноша ему нравился, смотреть на него было одно удовольствие.

Но сейчас гостю было не до красоты. — Выйди, дело есть.

Ду Юньтин не шелохнулся. Он замер в дверном проеме и сладко зевнул. — Что за дело у товарища Бая? Говори здесь.

В комнате был сосед юноши, который тоже проснулся и теперь внимательно слушал. Присутствие свидетеля злило Бай Цзяньшэна. — Это личное дело. Пойдем на улицу.

Но чжицин лишь вскинул брови. — Какие такие у нас могут быть «личные дела»? — Он покачал головой. — Никуда я не пойду.

Маска добродушия на лице Бай Цзяньшэна едва не треснула. Он стиснул зубы и покосился на соседа.

Тот, впрочем, уходить не собирался — напротив, он поудобнее привалился к изголовью кровати и достал горсть семечек.

Делать было нечего — Бай Цзяньшэну пришлось войти внутрь. Его отец вошел следом. Усевшись напротив Ду Юньтина, старик без обиняков заявил: — Чжицин Юй, мы пришли просить тебя, чтобы ты больше не преследовал нас из-за этой ручки.

Ду Юньтин, ожидавший чего-то подобного, даже взгляда не поднял. — Это что значит?

Бай Цзяньшэн подался вперед: — Юй Хань, пойми, Гуйхуа еще совсем ребенок... Ей всего двенадцать!

Юноша холодно отрезал: — Я еще в три года знал, что чужое брать нельзя.

— Ну какое же это воровство?! — Бай Цзяньшэн сокрушенно покачал головой. — Чжицин Юй, девочка просто никогда не видела таких красивых вещей. Она ведь в нужде росла. Неужели ты хочешь из-за такой пустяковины сломать ей жизнь, сделать её «паршивым элементом»? Неужели тебе от этого станет легче? Я верю, что ты не такой человек.

Ду Юньтин: «...» «Откуда у этого типа такая уверенность во мне?»

Отец Бай Цзяньшэна всё это время сидел молча. Он отложил трубку и глухо произнес: — Чжицин Юй, умей прощать. Нельзя быть таким упрямым.

Тот изобразил крайнее смирение: — И как же мне поступить, чтобы не прослыть упрямым?

У семейства Бай на этот счет было свое мнение: — Человек должен быть великодушен. Нужно уметь прощать чужие слабости. Пройдет время, и твои дети будут говорить, какой ты был благородный человек.

Ду Юньтин откинулся на спинку стула, едва сдерживая смех.

Старик Бай продолжал: — Гуйхуа мала, уступи ей, дай девчонке шанс. Скажи всем, что ты сам подарил ей эту ручку, а потом просто забыл об этом.

Юноша вскинул брови: — И кем же я тогда предстану в глазах людей? Что обо мне в деревне скажут?

Терпение Бай Цзяньшэна лопнуло: — Никто ничего не скажет! Мы с отцом проследим за этим. Подумай сам, Юй Хань: жизнь человека не должна пойти прахом из-за какой-то ручки!

Старик тоже перестал церемониться. Этот городской мальчишка не внушал ему страха. Будь его семья и впрямь влиятельной, его бы не сослали в эту глушь. Старик выложил последний козырь: — Завтра утром на собрании так и скажешь. И вся наша семья будет тебе благодарна.

Сосед Ду Юньтина перестал грызть семечки. На его лице читалось крайнее изумление. «Ну и наглецы! Это же надо — ребенок украл вещь, а они приходят и еще права качают!»

С лица Ду Юньтина исчезла последняя тень улыбки. Он выпрямился и, в упор глядя на незваных гостей, отчетливо произнес: — Нет.

Этот отказ прозвучал так хлестко, что отец с сыном на мгновение онемели. — ...Нет?

— Я не согласен, — любезно пояснил Ду Юньтин. — Я не собираюсь врать ради вашей сестры.

Бай Цзяньшэн задрожал от ярости. Он процедил сквозь зубы: — Ты хоть понимаешь, что на кону стоит будущее Гуйхуа и честь нашей семьи?!

Юноша искренне удивился: — А мне-то какое до этого дело?

Бай Цзяньшэн резко вскочил. Из его горла вырвался низкий звук, похожий на рычание зверя. Он уставился на Ду Юньтина налитыми кровью глазами. — Ты... ты специально хочешь нас погубить?! Ты хочешь известить нашу семью?!

Сосед вздрогнул, но на лице самого Ду Юньтина не дрогнул ни один мускул. — Какая тебе корысть в том, чтобы нас признали «враждебными элементами»?

— Да никакой, — пожал плечами юноша.

Собеседник на мгновение расслабился, решив, что его слова подействовали. Но Ду Юньтин медленно добавил: — Но и вреда мне от этого тоже не будет никакого.

— Ты!..

— Товарищ Бай, ты, кажется, кое-что путаешь, — Ду Юньтин резким движением оттолкнул уже занесенную руку противника. — Даже если твою сестру признают воровкой, это случится не из-за меня, а потому, что она совершила кражу. Сделала ошибку — получишь наказание. Всё очень просто. И возраст тут ни при чем.

Лицо старика стало землисто-серым. Он зло усмехнулся: — Молод ты еще, чжицин Юй, жизни не видел. Вы ведь в деревню приехали, и еще неизвестно, вернетесь ли когда-нибудь. А без нашего одобрения вам отсюда хода нет! Подумай еще раз хорошенько.

Ду Юньтин уже открыл рот, чтобы ответить, как вдруг за дверью раздался знакомый, спокойный голос: — Ему незачем больше думать.

Тот глянул на дверь и просиял. На пороге стоял Гу Ли. Мужчина только что вернулся из города: на плече висел тяжелый вещмешок.

Гу Ли скинул мешок на пол и решительным шагом вошел в комнату. Бай Цзяньшэн увидел, как лицо маленького чжицина мгновенно преобразилось, а голос стал мягким: — Второй брат Гу, как ты здесь оказался?

Этот зов «Второй брат Гу» прозвучал так нежно, слаще любого леденца.

Гу Ли коротко отозвался. Он помедлил мгновение, но всё же положил ладонь на голову юноши и ласково взъерошил его волосы. — Увидел, что ты еще не спишь.

Он боялся, что чжицин не может уснуть из-за комаров, и решил зайти. Но у двери он услышал, как семейство Бай пытается запугать юношу.

Гу Ли налил себе воды и перевел взгляд на незваных гостей. — Дядя Бай.

Бай Цзяньшэн, побледнев, не проронил ни слова. Его отец что-то пробормотал в ответ, внезапно почувствовав себя крайне неудобно.

— И о чем же это вы так оживленно беседовали с Юй Ханем? — спокойно спросил Гу Ли.

Отец и сын переглянулись и поспешно поднялись со своих мест. — Да так, пустяки... — промямлил Бай Цзяньшэн. — Мы уже уходим.

В Гу Ли чувствовалась выправка офицера: от него исходила такая мощная аура, что они рядом с ним начали задыхаться. Все их недавние угрозы теперь казались жалкими.

Гу Ли поставил кружку на стол. Громкий стук заставил обоих визитеров вздрогнуть. — Вот и славно, — произнес он. — А то я уж грешным делом подумал, дядя Бай, что вы решили поддержать нарушителей и заняться самоуправством.

— Да как можно?! Мы просто... по делу зашли...

Бай Цзяньшэн буквально вытолкал отца за дверь. Сосед Ду Юньтина лишь спустя минуту пришел в себя. В его груди закипело возмущение. — Ну и наглецы! Совсем наш отряд ни во что не ставят. Думают, раз они местные, то им всё дозволено?

Он вскочил с кровати и начал натягивать куртку. — Нет, я этого так не оставлю! Пойду ребятам расскажу!

Как ни крути, чжицины должны были держаться вместе.

Когда он ушел, Гу Ли перевел взгляд на Ду Юньтина. Помолчав, он начал доставать из мешка одежду. — Второй брат Гу?.. — удивленно захлопал глазами юноша.

— Угу, — глухо отозвался тот. — Примерь.

<http://bllate.org/book/15364/1412326>